

Вкус того поражения, словно тончайшая и невероятно упругая игла, глубоко вонзился в самое уязвимое место в сердце Инь Юня. Пока не трогаешь — он тупо ноет, но стоит лишь вспомнить, как острие начинает колоть так остро, что перехватывает дыхание: ни вытащить, ни обойти.

На тренировках в последние дни он выкладывался жестче, чем когда-либо, словно соревнуясь сам с собой.

Удары, бег, прыжки, смэши, выходы к сетке, отходы назад... Снова и снова механически повторяемые движения, пока руки не наливались свинцом и не начинали зудеть, пока мышцы едва заметно не подрагивали, пока шаги не становились настолько тяжелыми, что их едва удавалось отрывать от пола, а пот непрерывными капотами струился по линии подбородка, оставляя на полу крошечные влажные пятна, — но он всё равно отказывался остановиться.

В голове, прокручиваясь снова и снова, стояла лишь та самая финальная сцена, застывшая в самом конце матча.

Холодный и резкий профиль Шэнь Цзи, его взгляд, в котором не было ни малейшей ряби, решительный и свирепый смэш в прыжке, глухой и четкий звук, с которым волан тяжело врезался в площадку, и спокойные, но решающие всё слова судьи: — Победил Шэнь Цзи.

Каждый кадр стоял перед глазами так отчетливо, будто всё повторялось вчера.

Инь Юнь умел проигрывать.

Пройдя долгий путь от мелких тренировочных матчей до внутренних командных противостояний, разве он никогда не отставал? Разве никогда не оказывался в тупике? Просто в те моменты он всегда благодаря своему таланту и умению перестроиться шаг за шагом выравнивал положение и в конце концов неизменно оставался на стороне победителя.

Но на этот раз всё было иначе.

Он — Инь Юнь.

Гений, которого с детства носили на руках и который за десять с лишним лет не знал ни единого поражения.

Тот самый, на кого тренер возлагал огромные надежды, на кого равнялись товарищи по команде и кого все в молодежном бадминтонном сообществе города Наньлин единогласно признавали первыми номером.

Тот, кого все считали человеком, чьим предназначением было уверенно идти вперед к провинциальным турнирам, национальным чемпионатам и даже еще более крупным аренам.

И вот так — человек, появившийся из ниоткуда, с непонятным прошлым, чье имя еще недавно никому не было известно — запросто вышел на площадку и собственными руками стер в порошок трон, на котором он восседал столько лет, разбил его привычную гордость. Как он мог смириться?

Сильное несогласие бурлило и колотилось в груди, словно сдерживаемое пламя, которое разгоралось всё ярче и постепенно оседало глубокой одержимостью.

С какой стати именно он?

Почему именно Шэнь Цзи?

Почему этот человек может молчать, как тень, быть холодным, как лед, и даже победив такого, как он, оставаться настолько равнодушным, словно он мимоходом выиграл какой-то незначительный повседневный спарринг, не удосужившись показать даже малейшей радости или эмоции?

Словно он, Инь Юнь, был для него всего лишь самым обычным камнем преткновения на пути к вершине.

— Братец Юнь, отдохни немного, ты же тренируешься уже целое утро.

Чжоу Цзыбо подбежал с ракеткой наперевес, протягивая бутылку с отвинченной крышкой, и с тревогой взгляделся в едва заметные красные прожилки под его глазами, тихонько уговаривая: — Если будешь так тренироваться дальше, потянешь руку, и организм не выдержит.

Инь Юнь взял воду, запрокинул голову и сделал большой глоток; ледяная жидкость скользнула по сухому горлу, немного укротив внутренний жар. Он тяжело дышал, а растрепанные пряди на лбу были насквозь мокрыми от пота и мягко липли к гладкой коже, из-за чего его обычно мягкие и нежные черты лица сейчас казались мрачными.

Невольно он снова бросил взгляд в угол площадки.

Шэнь Цзи все еще был там.

По-прежнему один, он тихо отрабатывал удары, совершенно не вписываясь в оживленную обстановку вокруг.

Подача, удар, подбор волана, снова подача. Движения четкие, выверенные, точные, без единого лишнего штриха, без единого признака лени — словно машина, которая никогда не устает и не нуждается в эмоциях. Солнечный свет падал на него, но не мог пробиться сквозь окружавшую его ауру мрачного одиночества.

Хотя они находились на одной площадке, под одним небом, казалось, будто они живут в двух совершенно разных мирах.

Его мир — темный, одинокий, холодный и жесткий, но при этом пугающе мощный.

Кончики пальцев Инь Юня чуть сжались, костяшки пальцев, державших бутылку, побелели, а пластиковый корпус слегка деформировался от сжатия.

— Я в порядке, — тихо произнес он. Голос звучал ровно, но прислушайся кто внимательнее — и услышал бы скрытую на самом дне почти упрямую стойкость.

— Я просто не хочу вот так сдаваться.

Одно поражение он мог принять.

Пусть это станет предостережением, закалкой, первым настоящим испытанием в его до сих пор столь гладкой жизни.

Но быть сломленным прямо здесь, расклеиться и признать, что он хуже другого — на это он был неспособен.

Его гордость не позволяла.

Годы ежедневных тренировок не позволяли.

И никогда не гаснувшее на самом дне души стремление к победе тем более не позволяло.

Лучи заходящего солнца медленно опускались к дальнему корпусу учебного заведения, окрашивая всю площадку в мягкие, торжественные теплые тона. Белые линии на бадминтонном корте казались длиннее, а в воздухе клубилась тонкая пыль.

Инь Юнь по-прежнему стоял на прежнем месте, глядя на ту одинокую, непреклонную спину. Разочарование и горечь на дне его глаз постепенно рассеивались, а на смену им приходил разгорающийся, обжигающе яркий свет.

Несогласие останется, горечь останется, а чувство поражения будет вполне реальным.

Но все эти эмоции в конце концов разожгут в нем огонь.

Они сожгут уныние, сожгут сомнения в себе, выплавив из них еще более глубокую и твердую одержимость.

Шэнь Цзи.

Жди.

Это поражение я запомнил.

Я так это не оставлю.

Однажды я с чистой совестью встану напротив тебя и выиграю всё, что по праву принадлежит мне.

<http://bllate.org/book/19705/1937957>